

Сотворение мира

Нащупать нить и размотать
Мир видимый, до снов раздеть.
Начать всё с чистого листа,
Со вспышки света на воде.

Слепить луну, посеять сныть,
Стать гончаром чужих сердец,
А своему не дать остыть,
В смоле увязнув, затвердеть.

Да будет всё наоборот:
Всяк проигравший победит,
Ушедший рано не умрёт,
Пропавший обретёт пути.

Придёт ко всем Благая Весть.
Но что мне сотворить с тобой?
Пусть всё останется как есть,
Не мне соперничать с судьбой.

Нервное

Это происки лета: засушивать тонкий цветок,
В нервных пальцах измятый при чтении,
Останавливать время при помощи нескольких строк
И скользить по течению
В край, где нет ничего, не представить и не обойти,
Попытаешься мыслью коснуться — и тает видение:
Будто нет ничего, кроме данного Богом пути
От забвения в стихотворение.

Это происки лета: засушивать тонкий цветок,
Сохранять для чего-то фактуру и образ, и запах,
Прах, с водою смешавшись, впитается в тёплый песок,
В шар земной необъятный в цветных аккуратных
заплатах.
Слово гаснет во тьме, ускользая из данности в небыль,
Так больные в угрюмых палатах в бинтах своих —
латах —
Понемногу уходят на небо.

Краткий день отгорел и бессмысленно время ругать,
В книге — бледный цветок, под землёй
засыпают корни.
Но возьмёт незнакомая и неземная рука
Тот засохший цветок из забвенья.

Трип

Ты жизнью размахнись, билетом разночинца,
Одна попытка есть, а больше не случится.
Над лампой мотылёк: взлететь нельзя остаться,
Вовек бы не прервать порывистого танца.

Но будет ночь, а в ней крошечный твой вагон,
Из двери дым, из фар не обожжёт огонь.
Кондуктор говорит и поправляет нимб,
Все времена за миг проносятся над ним:

«Закончился билет, другого больше нет,
На весь на белый свет всего один билет,
Счастливый твой билет, последний твой билет —
Прозрачный мотылёк в огне минувших лет».

Ко-неч-ность

Закончится улица в зарослях лопуха
На границе села и города,
Заблудится мысль поэта в глуши стихо-
творения, написанного без повода.

Где вроде всё о природе, да не о ней.
Разберись, читатель, перед тем как закончиться также,
Хлебнув горя, моря и городских бездушных огней.
Да вспомнят тебя потом, пожалев о пропаже.

Закончатся все причины оставаться тут:
Бессонные ночи, уносящие навек поезда.
Выцветет в свете звёзд мерцающий твой маршрут.
И только небо не закончится никогда.

Сегодня будет день хороший

«Сегодня будет день хороший», —
В трамвае надпись, что с того?
Пока мороз ползёт по коже,
Я не узнаю ничего.
Пока ломают перемены
Привычный всем уклад и быт,
Пока несётся кровь по венам,
Бесцельно множатся грибы,
Пока поэты выступают,
Стараясь достучаться до
Глухих, пока стоят трамваи,
Чуть слышно попадая в «до»...
Проходит жизнь с эпохой вместе,
Ржавеет каждая запчасть,
А что рассказывают «Вести»,
Так это — вводная в матчась.
Трамвай похож на гроб железный
В неверном свете фонаря,
Когда я вглядываюсь в бездну,
Оттуда отвечают: «Зря».

Старой Ладоге, моему дому

Приеду в каком-нибудь году.
Не с облака летящего сойду —
Восстану из автобусного гроба,
Трясаясь среди рассады и укропа,
Чихая, кашляя, с попутчиком ругаясь,
Я наугад сойду, не вспомнив адрес.

Вот дом, сгоревший ровно век назад.
Друзья мои умершие сидят
И говорят: «Не рано ли к обеду?»,
Их голоса разносятся над Летой,
А я молчу, не в силах отвечать.

Мой дом, на нем свинцовая печать
Из археологических раскопок.
И дым Отечества, и повсеместно — копать.

Войду в реки холодную громаду,
Ощупывая дно. Поблекшим садом
Укроюсь вместо савана. Вокруг
Друзья поют и дальний берег крут,
А ближний рвётся, словно полотно,
Впадая в ночь. Всё кончится само.

Всё кончилось, Гиперборея, viva!
Уныние, запущенность, крапива
Цветут в ненаступающем году
На доме, что я вскоре обрету.

Черты

Твои черты проступят сквозь века
И отзовутся пламенем во мне.
Их отразит безликая река
В оправе переливчатых камней.

Волна, спеша на берег, отразит
Драккар, прошедший тысячи морей.
Вся нежность переплавится в гранит
Несокрушимой крепости моей.

Свет некогда погасшего костра
Стократно повторяется во снах.
И я решу, что не было утрат,
Твои черты за тень свою признав.

Я мало здесь на что имею право

Я мало здесь на что имею право:
Стоят леса, желтея без меня,
Кольшутся невиданные травы
От близости безликого огня.
Идёт гроза, над городами тая,
Уносит ветер с пепелища дым,
Проходит время, силы забирая,
И замечает в памяти следы.
Плюс-минус век, такая же картина:
Я за столом или уже не я,
Несутся облака или машины,
Деревья равнодушные стоят.
И пишет наш герой в своём блокноте,
Неявна личность, документов нет:
«Стихи мои однажды будут в моде!»
Смеётся время, выключая свет.

Зеро

Наверху качают обновления,
Облаков меняется расклад.
Каждая минута, как последняя:
Вот чуть-чуть — и день расправит над

Городом тугие крылья. Кажется
Он пустым, коль сверху поглядишь.
Коробок-вокзал, а рядом кашлица
Из несоразмерных веку крыш.

В доме тридцать девять на Таврической
Нашего столетия герой,
Хоть ненастоящий, но лирический,
И не Зорро даже, а зеро,

Опечатка в теле документа.
Рыцарь всех панических атак —
Наш герой не знает, кто он. Где-то
В обновлениях всё пошло не так.

Эмиграция

Заплатили золотом за все ушедшие времена,
Не скупилась на тонкий звон и высокий слог.
Вместо церкви в поле осталась стоять стена.
Каждый жил как мог и умер потом как смог.

А потом расскажут: славно, мол, было встарь,
Мемуары завёрнуты в серый больничный бинт.
Эмигрантская осень, русско-парижский словарь.
Так порой бывает — жив, а уже забыт.

2.

Как ни вспоминай молитв, ни прячь лица
От пожара и призрака, шествующих на
Восток и Запад. Дотянешь ли до конца,
Когда падёт стена и вспомнятся имена,

Забытые ради чего? А пока держись:
Не предавай светлой памяти, молчи как рыба.
Выбор был не на век, а на жизнь,
Кто теперь скажет, правильный ли был выбор?

Как не имеет ночь значения

Как не имеет ночь значения,
Так не имеешь ты, любовь моя.
Когда лечу в беззвёздной синей мгле,
В безвременьи ступаю по земле.

Оставь и не оставь, прах и зола.
Смотри в меня с той стороны стекла
Замёрзшей глади, звон — звучащий вдох,
Смотри в меня, калейдоскоп эпох.
Смотри с порога между тьмой и сном,
Разрушь, коль хочешь, не сломав основ.
Не приходи, не сбудься, но — сбеги
В горсть огоньков у каменной реки.

Муха

Бьётся муха в стекло, за стеклом пустота,
Чёрно-белое облако миропорядка
Проплывает и тает. Стекло — как слюда,
Тельце мухи — как жалкая чёрная ватка.

И следят сорок глаз за мушиной вознёй,
Так на птичку глядит крокодил, лёжа в Ниле.
Лектор вечером пива, конечно, возьмёт
И вздохнёт о ногах, что некстати заныли.

В гуще строчек учебников спрячут талант,
На обложке поставят и визу и сверку.
Муха — это программа, её создала
Поэтесса, чьё имя здесь снизу иль сверху.

Прогремит перерыв, точно локомотив.
Эй, студенты, вы жизнь прогулять не хотите ли?
С первой парты отличник, губу закусив,
Давит муху, и все поздравляют спасителя.

Атлантида

Я чувствую в метро, что еду под Невой,
Стоит над головой немая Атлантида,
Мерещится вода. Над нами — ничего,
Снег падает сквозь ночь, как будто через сито.

В плену зелёных волн качается фрегат,
Чуть задевая шпигели тёмными бортами,
А под землёй течёт железная река.
И прилипает звук от ужаса к гортани.

2.

Уйдёт наш капитан, рыбёшкой просочится,
Водицу пить с лица, очнувшись от дремот.
Мы выйдем на проспект, где фонарей ключицы
Цветут в землистой мгле. Ничто нас не спасёт.

Вот рынок и киоск. В горшке растёт столетник.
Карминовые сны захватывают верфь.
Аптечный крест горит, как будто он последний.
Дырявит днище дней адмиралтейский нерв.